

*Савковой Римме Федоровне,
человеку, который каждый день меняет мир.*

та история произошла на самом деле. Вернее, не произошла, а происходила. Только у ее героев были другие имена. Я хотела пожелать здоровья тем, кто остался с нами, и вспомнить тех, кто ушел.

Вера

Все были озабочены вопросом, где находится Страна чудес. Вопрос, казалось бы, странный, но очень актуальный для нашей семьи сегодня. Машка плакала уже третий час

и с предложенными вариантами Страны чудес не соглашалась. Папа предположил, что Страна чудес — в деревне у бабушки, на что моя сестра, сделав трагическое лицо, ответила: «Молоко», и ее тут же вырвало. От молока ее рвало и до болезни, но сейчас это выглядело особенно трагично.

Папа был выслан на кухню, где и раздумывал над этим вопросом уже довольно длительное время.

Еще два дня назад все было хорошо. Мы гуляли в парке, я ругалась с мамой, потому что теоретически идти на день рождения к Светке мне разрешили, но уйти с него я должна была до начала тусовки.

Папа держался индифферентно, вероятно, признавая, что я права, но на конфликт с мамой не шел по политическим соображениям. Он собирался в субботу поехать на рыбалку с дядей Борей, что само по себе являлось преступлением, — это во-первых. А во-вторых, у мамы на субботу были грандиозные планы, не могу уточнить какие, потому что новые варианты возникали каждые пять минут, но отец присутствовал в них как основное действующее лицо постоянно.

А вчера у Маши поднялась температура.

До вечера еще была надежда, что это случайность из серии «съела что-нибудь или перекаталась на каруселях». Но ночью у нее из носа пошла кровь, а к утру на руках и ногах появилась какая-то сыпь и синяки. Мама сказала: «Догулялись». И все остались дома.

В середине дня пришла врач из детской поликлиники — толстая противная тетка, у которой были по-разному покрашены глаза; видимо, она красилась в темноте и стоя спиной к зеркалу. Правый глаз был изумрудно-зеленым, левый тоже оригинальный, но с сероватым оттенком.

— Мамочка, девочка у вас падает постоянно, куда вы смотрите?

Мама пыталась спорить.

— Мамочка, не надо говорить фантазию. Если ребенок не падает, синяков у него не бывает.

— А сыпь откуда? А температура?

Тетка удивилась такой настойчивости:

— Оттуда же, следить надо за детьми.

Врач говорила так, будто нашей семье уже вынесли смертный приговор за издевательство над детьми, а мы все еще никак не могли понять почему.

— Ее рвало, — не сдавалась мама.

— Вы знаете, какая у меня зарплата? — неожиданно спросила врач.

— Какая? — удивилась я.

— Девочка, а ты вообще выйди. Так вот, зарплата у меня такая, что за нее я могу только смотреть больных, а воспитывать вас — нет. Назначаю капли в нос и в следующий раз на дом не приду.

Врач ушла. Мама стала кидаться мелкими кухонными предметами. Потом сказала:

— Это ты виновата, ты разозлила ее своим дурацким вопросом. Это, в конце концов, неприлично — в четырнадцать лет лезть во взрослые разговоры.

Тут папа неожиданно пришел мне на помощь. Он понял, что на рыбалку все равно не поедет, и перестал маскироваться:

— Мать, оставь дочь.

Дальше я рассказывать не буду, скажу только, что вовремя улизнула с кухни к Машке. На кухне шум стоял долго. Машка была какая-то бледная и сонная. Конечно, она и до семи лет сто раз болела, но такой синей никогда не была. Читать вслух не разрешила, в куклы играть не стала, а отвернувшись лицом к стене, тихо сопела. Мне стало как-то не по себе. Как будто в горле ползали муравьи. Я пошла к родителям.

— Дураки! — сказала я им. — У вас ребенок болеет, а вы грызетесь из-за дуры полудурочной, хоть бы на Машку посмотрели.

Дураки перестали ругаться и одновременно изъявили желание посмотреть на дочь, однако в дверь вместе не пролезали. Победила мама, ну, это как обычно. Машка не повернулась к ним и продолжала сопеть. А потом ее снова стало рвать, с кровью.

Первым опомнился отец. Он вызвал «скорую». «Скорая» приехала, но не скоро, часа через два. Когда она приехала — как потом рассказала соседка тетя Катя, врачи ругались за ложный вызов, обещая нас оштрафовать, — мы были уже далеко, мы везли Машку в больницу.

Отец

Все решения, как всегда, принимаю я. Она кричит, ругается, но толку чуть. Когда я влюбился в нее на третьем курсе института, меня подкупило именно это — шумная, веселая, — но все решения принимал я. За шестнадцать лет шумность и веселость превратились в крикливость и раздражи-

тельность, а неумение принимать решения никуда не делось.

А Вера, вбежав на кухню, обозвала нас дураками! Да если бы я жил с другой женщиной, никто бы не посмел так разговаривать со мной. «Дураки». Да я своего отца чуть ли не на «вы» называл. Вся в мать.

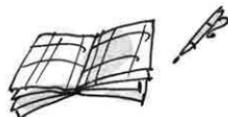

Больше всего меня раздражала неопределенность. И Вера болела, но как-то понятно: «температура — сопلي — кашель — таблетки», как-то определенно. Машка лежит и сопит, синяки какие-то. Если Вера не врет, то и не падала она, да и синяков было столько и в таких разных местах, что упасть так нельзя. И ее рвет, и не разговаривает.

В больнице нас приняла усатая медсестра. Она молча списывала данные с моего паспорта в историю болезни. Только сейчас до меня дошло, что Машу могут оставить в больнице. Раньше мне казалось, что придет нормальный врач, даст указания, которые мы выполним, и поедем домой. Но, по-видимому, здесь рассуждали по-другому и сразу решили взять нас в оборот.

— А ведь врач не смотрел, вдруг нас не будут класть?

Мысли моей жены текли в том же направлении. Усатая подняла на нас глаза и сказала:

— Отойдите от стола.

Я много раз сталкивался с медициной раньше, но те встречи были другими. Сегодня нам попадались медицинские работники с парадоксальным мышлением. Через некоторое время после довольно прохладного приема я понял, что ее раздражение было адресовано не только нам. Усатая позвонила по телефону. Сначала просто сказала:

— Педиатра в приемник!

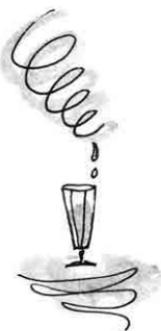
Даже если бы педиатр сидел под ее собственным столом, он не успел бы выскочить оттуда, как она снова схватилась за трубку:

— Я уже второй раз вам звоню. Пьете там чай, а тут девка помирает.

Сзади я услышал стук, это моя жена потеряла сознание. Потом долго бегали с нашатырем, махали над Ириной газетами, и усатая оправдывалась человеческим, нормальным голосом:

— Да это я чтобы поскорей спустились, а вы па-
дать.

Машка лежала с закрытыми глазами и на всю эту суету не обращала внимания. Наконец пришел педиатр, вернее, педиатрица. Это была стройная высокая девушка лет двадцати, и только тут я понял, какой у усатой грязный халат. На девушке все

блестело и сверкало белизной. Ирка стала рассказывать нашу историю не очень связно, Верка изучала фигуру молодой докторицы, и мне казалось, что стало как-то спокойнее и с Машкой ничего не случится. Она послушала нас, покивала головой и сказала:

— Зоя Матвеевна, вызови лабораторию, анализ крови и в отделение.

Мама

...и сказала: «Зоя Матвеевна, вызови лабораторию, анализ крови и в отделение». Но почему в нашей семье всегда так? Почему все решения должна принимать я? Почему? Я должна думать обо всем, но я ведь тоже работаю. Жора обижается — рыбалка, рыбалка... А палас, а кран? Ведь это и его дом, в конце концов. Именно в эту самую субботу, когда надо все делать, его тянет на рыбалку.

И Машка еще болеет. А Верка сказала отцу: «Дурак», вошла на кухню и сказала: «Дурак». Конечно, она права, но с отцом так нельзя. Потом, когда с Машкой все нормализуется, я с ней по-

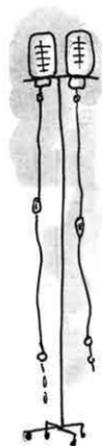
говору. И этот день рождения, там все перепьются, будут пробовать наркотики. Да, мне звонила Светкина мать, просила Веру отпустить, сказала, что будет с ними все время. Но она же не уследит. Точно обкуряются и напьются.

Нет, нет, нет. Сейчас все решится с Машкой, и я поговорю. Машу подняли в отделение, вернее, это я ее подняла, потому что несла на руках. Потом снова пришла девочка-врач, наверное, она студентка, очень молодая, и мне, честно говоря, доверия не внушила. «Ничего, — подумала я, — завтра придут другие врачи». Но то, что она говорила, не укладывалось у меня в голове. Сначала оказалось, что надо ставить капельницу, потом — что надо переливать кровь и что синяки и сыпь — от недостатка каких-то клеток крови, и я сама должна дать согласие на все эти манипуляции. Позовите Жору!

Вера

— Позовите Жору!

Мама так неожиданно закричала, что мы ло-
манулись в ординаторскую. Конечно, мы оба под-

слушивали, но слушали не чужие тайны, а свои. Меня, правда, сразу выгнали, и я пошла в палату, где лежала Машка. Молча сидела с ней рядом и вспоминала, когда в жизни мне было страшней, чем сейчас. Машка, капризная и нахальная младшая сестра, тихо сопела и, когда я хотела ее погладить, стала сопеть сильнее и даже застонала. Мне было страшно, когда умерла бабушка, когда Олег Прунов показал всем мою записку про любовь во втором классе. И еще страшно прыгать через козла, но это был другой, какой-то ненастоящий страх.

Потом пришла мама. И вообще меня не заметила, только лицо у нее было серое. Я пошла искать папу. Он курил на лестнице и тоже не заметил меня. Как-то надо было начать разговор, но мне стало совсем страшно, и я молча стояла рядом. Потом пошла слоняться по коридору.

В холле сидели две медсестры, одна худая и старая, вторая совсем худая и очень старая, старше моей мамы.

— Ты сестра Богдановой? Вот горе-то.

Я знала один секрет про взрослых: если молчать и делать вид, что понимаешь, о чем идет речь, они скажут гораздо больше. А главное, надо повторять их последние слова.

